

ЭТНОГРАФИЯ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-3/7-25

Научная статья

© М. В. Куцаева

ЯЗЫК И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МАРИЙЦЕВ В МЕСТАХ ИХ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЙ 2024–2025 гг.)

В статье представлены результаты социолингвистических обследований, проведенных автором в этнолокальных марийских сообществах Башкортостана, Татарстана, Свердловской и Кировской областей в 2024–2025 гг. Один из вопросов социолингвистической анкеты касался признаков, определяющих, по мнению респондентов, их принадлежность к этнической группе. Среди ключевых маркеров этнической идентичности наряду с корнями (рождение, семья) и культурой (соблюдение традиций, обычаев) респондентами был назван марийский язык. В работе на материале 400 интервью проводится сопоставительный анализ наличия или отсутствия данного маркера в зависимости от принадлежности респондента к той или иной этнолокальной группе, когорте и уровня языковых компетенций. Соотношение языка и этничности рассматривается в контексте текущих языковых ситуаций в марийских сообществах, идиомы которых находятся в стадии языкового сдвига. Кроме того, путем составления языковых биографий респондентов изучается влияние более частных факторов на определение роли языка в процессе этнической самоидентификации. В работе освещаются бытующие в отдельных марийских сообществах этнонимы в отношении лиц, не владеющих этническим языком; привлекаются дополнительные материалы, полученные в марийском сообществе московского региона. Делается вывод о том, что язык остается одним из символов конструирования марийской идентичности в большинстве исследуемых сообществ. Постулируется тезис о необходимости поддержания марийского языка в целях сохранения границ этнической группы и этнокультурного многообразия.

Ключевые слова: марийский язык, этническая идентичность, этнолокальные марийские сообщества, языковой сдвиг, преподавание марийского языка, традиционные носители, новые говорящие

Ссылка при цитировании: Куцаева М. В. Язык и этническая идентичность марийцев в местах их компактного проживания (по данным социолингвистических обследований 2024–2025 гг.) // Вестник антропологии. 2026. № 3. С. 7–25.

Куцаева Марина Васильевна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания РАН (Российская Федерация, 125009 Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1). Эл. почта: marina.kutsaeva@iling-ran.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>

*Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0003, поддержанного Министерством образования и науки РФ.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-3/7-25

Original article

© Marina Kutsaeva

MARI'S LANGUAGE AND ETHNIC IDENTITY IN AREAS OF THEIR COMPACT SETTLEMENT (BASED ON DATA FROM 2024–2025 SOCIOLINGUISTIC SURVEYS)

The article presents the results of sociolinguistic surveys conducted by the author among ethno-local Mari communities in Bashkortostan, Tatarstan, the Sverdlovsk and Kirov regions in 2024–2025. One of the questions in the sociolinguistic questionnaire concerned ethnic identity. Along with roots (birthplace and family) and culture (observance of traditions and customs), our respondents identified the Mari language as one of the key markers of ethnic identity. Based on 400 interviews, the paper analyses how often the language was identified as one of the ethnic markers depending on the respondent's local ethnic group, age, and level of language proficiency. The relationship between language and ethnicity is examined in the context of the current linguistic situations in Mari communities, where idioms are undergoing a language shift. In addition, the study of the respondents' linguistic biographies makes it possible to examine the influence of more specific factors on the role of language in the process of ethnic self-identification. The paper highlights ethnonyms used in certain Mari communities to refer to individuals who do not speak the ethnic language, and draws on additional materials from the Mari community in the Moscow region. The author concludes that the ethnic language remains a symbol of Mari identity in most of the above-mentioned communities and emphasizes the importance of maintaining the Mari language in order to preserve the boundaries of the ethnic group and its ethnocultural diversity.

Keywords: *Mari language, ethnic identity, ethno-local Mari communities, language shift, Mari language in education, traditional speakers, new speakers*

Author Info: Kutsaeva, Marina V. — Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Department of Uralic and Altaic languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>

For citation: Kutsaeva, M. V. 2026. Mari's Language and Ethnic Identity in Areas of Their Compact Settlement (Based on Data from 2024–2025 Sociolinguistic Surveys). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 7–25.

Funding: This work was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation under project FMNE-2025-0003.

Введение

Более полувека об идентичности говорят антропологи, географы, историки, философы, политологи, психологи, социологи. Исследования лингвистических аспектов идентичности появились в начале 1980-х гг., подлинный всплеск интереса к проблематике пришелся на 2000-е гг. (Edwards 2013: 2). Хотя *идентичность* имеет долгую

историю в качестве специального термина западной философии (Брубейкер 2012: 63), в настоящее время объемы дискурса об идентичности достигли новых высот ввиду роста населения, расширения доступа к коммуникационным технологиям, обеспокоенности относительно идентичности и сопряженных с ней аспектов, что обусловлено такими изменениями, как классовая и социальная мобильность, миграции, влияние глобальных СМИ, перекраивание национальных границ, *возвращение* религии в мировую политику (Jenkins 2014: 32–33). Популярность темы идентичности и как следствие — многообразие дефиниций и смыслов (см. обзоры в: Jenkins 2014: 17–19; Брубейкер 2012: 74–81) определяется тем, что, с одной стороны, идентичность является *категорией практики*, то есть категорией повседневного социального опыта, используемой «профанными» акторами, с другой стороны, — категорией анализа, удаленной от опыта и употребляемой социальными аналитиками (Брубейкер 2012: 69–70).

Разновидностью социальной идентичности выступает этническая идентичность. В западной научной литературе принято различать несколько подходов к изучению этничности: примордиализм, ситуационизм, конструктивизм (Винер 1998: 4–7; Тишков 2025: 29–34). В зависимости от исследовательской парадигмы этничность представляется *статичной* (примордиализм (эссенциализм)) или *динамичной* (ситуационизм, конструктивизм) и оперирует понятиями «этнической группы» и «этнической границы». В кадре менее популярного ныне, хотя живучего и стойкого (об этом см.: Брубейкер 2012: 16–17) примордиализма (эссенциализма), этнические группы и культуры взаимосвязаны, этническая идентичность имеет набор объективных оснований (категорий): язык, религия, общность происхождения и др. (Винер 1998: 5). В конструктивистском ключе, напротив, группы трактуются как построенные, случайные и неустойчивые, подчеркивается фрагментарность, эфемерность, разрушение твердых форм и границ (Брубейкер 2012: 24). Начиная с Ф. Барта, особое значение придается тому обстоятельству, что «этнические группы суть признаки, приписываемые и идентифицируемые самими акторами и, следовательно, обладающие свойством организовывать взаимодействие между людьми» (Барт 2006: 11; Jenkins 2014: 120–126). Кроме того, сторонников широко распространенного в наше время конструктивистского подхода отличает стремление «изучить процессы, способствующие появлению этнических групп и поддерживающие их сохранность» (Барт 2006: 11). Зарубежными исследователями предпринимались также попытки синтеза различных подходов к этничности — как представляется, главным достижением этих усилий стала демонстрация непротиворечивости вроде бы противоположных теорий в объяснении этничности (Винер 1998: 8–9).

Российская этнология в последние десятилетия стремится выйти за пределы эссенциалистского подхода: внимание к статическим характеристикам группы заменяется социально конструируемой трактовкой природы этничности в подвижных по составу контактирующих обществах (Баранова 2010: 24). С начала 1990-х гг. В. А. Тишковым был выдвинут тезис о множественной и дрейфующей этничности (Тишков 2025: 20). Российскими исследователями изложен свой взгляд на феномен этничности, предложена схема из трех разных подходов (примордиалистский, инструменталистский, конструктивистский), постулировалась идея воспринимать данные подходы как не взаимоисключающие друг друга, и, следовательно, допускалась возможность интеграции наиболее значимых аспектов существующих подходов в целостную теорию этничности на основе конструктивистского синтеза, обладающего чувствительностью к контексту (Тишков 2025: 26–31; Тишков 2023: 18–19).

В многообразии дефиниций этнической идентичности неизбежно возникает вопрос соотношения и даже противопоставления объективных (лингвистических, расовых, географических, религиозных, родовых и пр.) и субъективных признаков принадлежности к группе (об этом см.: *Bourdieu* 1991: 226; *Edwards* 2013: 158). Выделение вслед за Ф. Бартом такого аспекта, как *границы этнической группы*, представляется существенным с точки зрения освещения проблемы изменения ее компонентного содержания с течением времени, а также определения факторов ее сохранения — к примеру, изучение признаков, которые со временем исчезают или становятся не столь «заметными», в сравнении с теми, которые оказываются более «живучими» (*Edwards* 1994: 126). В разное время язык, наряду с другими параметрами группы, может выходить на первый план или временно терять первостепенное значение, превращаясь в дополнительный признак сообщества (*Баранова* 2010: 30).

Теория центральных ценностей культуры, сформулированная в (*Smolicz* 1981, цит. по: *Смолич* 2012: 403), оказывается полезной при осмыслении моделей сохранения, изменения и утраты языков меньшинств в полиэтническом обществе. Сущность теории заключается в том, что не все разнородные элементы (культурные ценности) являются одинаково важными для идентификации людей как членов группы. Некоторые из этих элементов могут быть вовсе утрачены, не подрывая стабильности группы. Утрата других, так называемых *центральных ценностей* (рассматриваемых Е. Смоlichem как столпы, вокруг которых организуется вся социальная система группы и вся ее самоидентификация, — они же формируют сердцевину культуры группы и действуют как идентифицирующие ценности, имеющие символическое значение для группы и для участия в ней) может привести к ее ассимиляции доминирующей группой. Культурные группы различаются в рамках данной теории по тому, насколько они рассматривают свои языки как центральные ценности. В одних язык действует как мощный символ этнической идентичности, хотя на нем и не говорят. В других язык последовательно выделяется как главный носитель культуры, члены группы полагаются на него как на основную преграду против ассимиляции; считается, что культурное выживание зависит от сохранения «их» языка; язык является не просто средством общения или самовыражения, а символом этнической самоидентификации, определяющей ценностью, неременным условием «настоящего» членства в сообществе (*Смолич* 2012: 404–405).

В фокусе нашего исследования — марийцы, проживающие компактными группами за пределами административно-территориальных границ Республики Марий Эл в четырех регионах — Республиках Башкортостан и Татарстан, Свердловской и Кировской областях. О расселении марийцев и причинах формирования, в частности, вторичного камско-уральского ареала см. (*Сенеев* 1975: 21–45). Представители этнолокальных сообществ марийцев Башкортостана, Татарстана, Свердловской области принадлежат этнографической группе восточных марийцев. Значительной представляется роль религиозного фактора в формировании и сохранении этнической идентичности восточных марийцев (*Молотова* 2010: 92). Особенности формирования этнолокальных групп марийцев, сложившихся на территории современной Кировской области, подробно освещаются в (*Козлова* 1978: 286–340).

Согласно данным последних переписей населения (ВПН 2010; ВПН 2020) численность марийского населения снижается; констатируется уменьшение доли тех, кто заявил о владении марийским языком. Кроме того, наблюдается разрыв между указавшими владение марийским и теми, кто использует его в повседневном общении (ВПН 2020). Сохранность марийских идиомов вызывает, таким образом, беспокойство.

Исследователями миноритарных идиомов изучается влияние этнической идентичности на сохранение малого языка или отказ от него в пользу большого языка; более того, в ряде работ высказывается идея о возможности использования чувства этнической принадлежности для поддержания или сохранения исчезающего языка (Баранова 2010: 31). Цель статьи заключается в том, чтобы установить маркеры этнической идентичности марийцев, компактно проживающих за пределами Марий Эл, определить роль этнического языка в процессе формирования этнической идентичности и в сохранении (поддержании) границ этнической группы.

Материалы и методы

В 2024–2025 гг. автором были проведены социолингвистические обследования в отдельных районах Башкортостана (Мишкинский, Шаранский, Калтасинский), Татарстана (Кукморский, Агрызский), Свердловской (Ачитский, Артинский, Красноуфимский, Нижнесергинский) и Кировской (Кикнурский, Уржумский, Яранский) областей.

В обследовании использовался комплекс методов: анкетирование, глубинное и полуструктурированное интервью, наблюдение, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных. Была разработана социолингвистическая анкета, содержащая несколько блоков, ключевыми из которых являются «Языковые биографии», «Актуальное использование языка (сферы и функции)», «Языковая лояльность». Интервью проводились индивидуально с каждым участником, длительность варьировала от 40 до 60 минут. Заключительные вопросы анкеты были сформулированы следующим образом: «Что вас делает марийцем?» и «Может ли, по вашему мнению, мариец быть без марийского языка?».

Материалом для статьи послужили ответы на указанные выше вопросы, собранные в результате 400 интервью в четырех регионах с компактным проживанием марийцев. В башкортостанскую часть выборки вошло 115 чел., татарстанскую — 82 чел., свердловскую — 101 чел., кировскую — 102 чел.

В проекте приняли участие учащиеся и педагоги школ (там, где эти школы еще функционируют), представители администрации, марийской традиционной религии, локальных СМИ, сотрудники сельских домов культуры, почтовых отделений, торговли, члены творческих коллективов, лица, занятые в сельском хозяйстве и на производстве, а также пенсионеры. Все опрошенные идентифицировали себя в качестве этнических марийцев. Большинство из них являются уроженцами обследуемых деревень, сел или поселков. Все участники опроса проживают в данных населенных пунктах на постоянной основе.

Результаты и обсуждение

Вопрос об основных признаках *марийскости* был открытым. Наиболее частотными стали ответы, относящиеся к самому факту рождения (*родители / родился здесь / предки*), языку (*марийский язык / мой родной язык / думаю на марийском*) и культуре (*традиции / обычаи / вера / песни*). В представлении опрошенных язык является одним из символов их этнической идентичности. Вместе с тем, как показывает анализ полученных данных по этнолокальным группам и возрастным группам, за марийским языком как признаком *марийскости* не закрепляется одинаковая фиксированная позиция: в одних случаях языку придается неизмеримо большее значение в процессе этнического самоопределения, чем в других (Табл. 1).

Таблица 1

Язык как один из символов этнической идентичности в выборках

когорта	Башкортостан			Татарстан			Свердловская обл.			Кировская обл.		
	I	II	%	I	II	%	I	II	%	I	II	%
12–20	25	19	76	18	12	67	22	14	64	2	0	0
21–30	5	3	60	6	3	50	4	4	100	2	1	50
31–40	14	8	57	7	5	71	7	3	43	5	2	40
41–50	14	13	93	12	8	67	10	3	30	12	5	42
51–60	23	14	61	12	7	58	21	9	43	22	8	36
61–70	24	15	63	14	10	71	18	11	61	39	17	44
71–80	9	5	56	11	8	73	16	5	31	18	6	33
81–89	1	1	100	2	0	0	3	2	67	2	0	0

*Принятые сокращения в таблице: I — количество респондентов в когорте, II — количество респондентов, указавших марийский язык в качестве маркера этнической идентичности

Прежде всего обращает на себя внимание неоднородность показателей в зависимости от принадлежности респондентов к тому или иному этнолокальному сообществу. Например, *язык* стабильно — в более половине случаев в каждой когорте — указан в качестве маркера этнической идентичности в башкортостанской выборке, тогда как в кировской роль языка заметно ослабевает. Здесь уместно эксплицировать актуальные условия функционирования этнического языка.

В Башкортостане сферы употребления марийского, в отличие от других регионов в фокусе исследования, наиболее разнообразны и включают семью (внутрисемейное бытовое и дружеское общение), сообщество (в том числе магазин, почта, транспорт, рабочий коллектив и др.), преподавание, культуру, религию, СМИ. В 2024–2025 учебном году 1384 чел. изучали марийский язык в Мишкинском районе в 23 школах, включая Полилингвальную школу в с. Мишкино. В Шаранском районе обучением марийскому охвачено 104 чел. в четырех школах, в Калтасинском — 182 чел. в пяти школах (Куцаева 2025а: 13). Кроме того, Башкортостан — единственный регион среди четырех, в котором марийский функционирует в сфере СМИ. В Нефтекамске издается региональная газета, в Мишкино и Калтасах выходят в свет две районные газеты. В Башкортостане действуют марийские вокальные и танцевальные коллективы, включая детские. В Мишкинском районе ведет работу Марийский историко-культурный центр; в селе имеется краеведческая библиотека с сектором по обслуживанию марийского населения Башкортостана. Марийский функционирует в сфере религии при проведении *кумалтыш* (молений) в *күсото* (священных рощах), активно бытует в обрядово-ритуальной системе (об этом см. Абукаева 2018; Устьянцев 2023).

Размышляя о своей *марийскости*, респонденты не всегда принципиально выделяли марийский язык, а, напротив, помещали его в привычный контекст своей повседневной жизни. «Ну вот соблюдаю религию свою, язык берегу, костюмы ношу,

говоря на марийском» (№ 3, Ж., 1959, Мишкинский район, РБ)¹. «Мозги на марийском, на родном языке. Потом пою на родном марийском языке. Думаю на родном марийском языке. Пляшу Вережку (танец восточных марийцев — М. К.) люблю *марийский*. Шутки марийские. Танцы, песни. Все обычай *марийский*» (№ 28, Ж., 1960, Калтасинский район, РБ). Отметим, что вовлеченные в *марийскую культуру* педагоги, культработники и др. почти всегда называли марийский: для них это динамичная, заметная в их повседневности сфера употребления языка. «У меня предки — марийцы. Бабушки, прабабушки, родители. В марийской деревне выросла. Владею марийским языком, пою на марийском языке. Обряды, обычаи — всё соблюдаю. Это мне от бабушки, от мамы. И если у нас в районе проходят марийские мероприятия, я участвую, сценарии пишу, — и это всё на марийском языке» (№ 30, Ж., 1978, Калтасинский район). Вместе с тем респонденты, далекие от культмассовых мероприятий, могли и не упомянуть марийский вовсе, см. когорту 71–80, где зафиксированы максимально низкие для этой выборки показатели. Часто они определяли свою идентичность через принадлежность месту (*родился и живу в марийской деревне*). Согласно данным их языковых биографий, они являются активными носителями марийского. Как известно, «когда язык является средством ежедневного общения, его носители не задумываются о своем отношении к нему» (Агранат 2016: 44).

Среди тех, для кого принадлежность к группе подразумевает язык, немало молодежи. В основном это учащиеся марийских классов. Те, кто не изучают марийский в школе, преимущественно марийский не называли. Присутствие марийского в сфере образования, несомненно, влияет на выбор марийского в качестве одного из символов идентичности подрастающего поколения (ср. с результатами в других регионах). О проблемах с преподаванием марийского, сокращении количества учащихся, закрытии школ в кадре *оптимизации* образования см. (Куцаева 2025в: 55–57).

Наконец, учитывая богатую диалектную палитру марийского языка, подчеркнем следующее: локальные марийские идиомы служат ярким маркером этнолокальной идентичности. «Мне здесь говорят: “Ты марийка, но не наша марийка”. У меня речь другая по сравнению с Шаранским районом. Со временем что-то научилась, здесь просто татарских слов много. А когда я домой приезжаю к маме, она говорит: “Опять по-своему разговариваешь”. Некомфортно мне. Здесь уже понимают меня, что я иногда могу мишкинские слова. А там немного смеются» (№ 7, Ж., 1975, Шаранский район, РБ).

В Татарстане в обследованных районах — Кукморском и Агрызском — за марийским языком закреплён почти схожий набор доменов, что и в Башкортостане, за исключением СМИ (Куцаева 2025а: 16–17). Марийский является предметом изучения в школах, при этом проблемы, связанные с преподаванием родных языков, являются в какой-то мере общими с Башкортостаном (Куцаева 2025б: 348, 352). 12 из 18 школьников в выборке считают этнический язык необходимым атрибутом их идентичности. Для подростков марийский язык существует, однако, не сам по себе, а в плотной связке с участием в марийских мероприятиях и общей этнокультурной активностью. «Мариец — то, что разговариваю на нем. Хожу в ансамбль, участвую в марийских конкурсах» (№ 3, М., 2010, Агрызский район, РТ). «Это значит то, что ты

¹ Здесь и далее в тексте в скобках приводятся: номер анкеты, пол респондента, год рождения респондента, район обследования, регион обследования. Принятые в скобках сокращения: РБ — Башкортостан, РТ — Татарстан, СО — Свердловская обл., КО — Кировская обл.

говоришь на марийском языке, играешь на музыкальных инструментах, танцуешь на марийских песнях, поешь марийские песни. Короче, всё знаешь о марийском» (№ 31, М., 2010, Кукморский район, РТ). Для представителей старших когорт в выборке это еще и глубокая связь языка с прошлым народа. «Наверное, сама принадлежность к марийцам — у меня вот корни марийские. У каждого народа, конечно, своя глубокая история, и у марийцев в том числе. Язык. Песни. Танцы. Обряды. И то, что мы, наверное, я этим даже горжусь, что мы не отказались от своей веры. Вот да, кто-то крестился, а мы... я этого не делаю. Потому что считаю, что раз мои родители были некрещенные, мои дедушки, мои прадедушки, я должна эту веру до конца донести. Вот я этим горжусь. Креститься я не собираюсь: я не могу предать веру своих родителей» (№ 36, Ж., 1970, Кукморский район, РТ). В зарубежных исследованиях по ревитализации миноритарных языков большое внимание уделяется связи языка и культуры (Fishman 1991: 7–9, 20–24; Grenoble 2021: 12–17), и в этом смысле отношение языка и культуры, *бытование-языка-в-культуре* (Fishman 1991: 17) вполне осознается и самими носителями языка.

В Свердловской области были обследованы несколько районов. Марийский используется в семейно-бытовой, дружеской сферах общения, в сообществе (почта, магазин, транспорт, рабочий коллектив) в неформальном общении преимущественно лицами средних и старших когорт. По нашим данным, средний пороговый возраст говорящих в уральской выборке — от 30 — 35 лет, ср. башкортостанские сообщества — от 15 лет (Куцаева 2025а: 15, 24). Языковая ситуация в этнолокальных сообществах в целом менее благоприятная, чем в марийских сообществах Башкортостана или Татарстана. Более того, ситуация с функционированием марийского в сфере преподавания в Свердловской области крайне неоднородная (Куцаева 2025а: 19–22). В регионе, однако, ведется активная работа по сохранению локального этнокультурного наследия. Марийский является также языком религии: имеются две священные рощи, одна из которых, близ с. Юва, была возрождена в 2020 г. Марийский активно бытует в обрядовой сфере, обычаи *на марийском* поддерживаются в основном женщинами старше 50 лет в выборке.

В свердловской выборке роль марийского ослабевает сразу в нескольких когортах. Анализ языковых биографий представителей групп 31–40, 41–50, 51–60 позволил выявить следующее: в 1970-х гг. в регионе была распространена практика воспитания детей и подростков в школах-интернатах (Ачит, Михайловск). В интернат направляли детей из многодетных и малообеспеченных семей. Но были и прагматические цели: родители-марийцы, слабо владеющие русским, стремились устроить ребенка в такое учреждение, даже если оно имело статус коррекционной школы: «родители думали, что если он (ребенок — прим. М. К.) чисто и хорошо научится разговаривать на русском языке, то и себе лучший кусок солнца достанется» (цитата приводится в Куцаева 2023: 69–70). Такие респонденты неоднократно подчеркивали, что не умеют *читать и писать по-марийски*, поскольку не изучали марийский язык в школе. Кроме того, в регионе с 1990-х гг. была и другая практика: марийцы активно брали на воспитание в собственную семью детей-немарийцев из приютов. Это существенным образом, хотя и не всегда (см. Куцаева 2023: 72–73), влияло на внутрисемейные речевые практики, смещая акцент в сторону русского языка. В более старших когортах есть и те, кто родился в этнически смешанном браке, воспитывался вне марийского сообщества и лишь спустя годы стал его частью. Доля межэт-

нических браков с русскоязычными, а также миграций в крупные промышленные центры в целом выше в свердловской выборке. Наконец, любопытными представляются результаты в младшей когорте: марийский вроде бы сохраняет свое положение, как и в других рассмотренных выше выборках. Подростки, изучающие язык, литературу и приобщенные к марийской культуре, чаще других указывали марийский. Тем не менее их декларативные утверждения об идентичности коррелируют с общей языковой ситуацией. «Марийцем меня делает память прошлая. Интуитивно понимаю половину слов» (№ 6, М., 2009, Артинский район, СО). «Марийцем меня делают марийские слова, марийские танцы в клубе, ну разговоры с родными на марийском» (№ 15, М., 2014, Артинский район СО).

В Кировской области языковая ситуация представляется неоднородной, но одинаково тревожной. Пороговый возраст говорящих на марийском приближается в Кикнурском районе к 50–55 годам, в Яранском — к 45. Марийский используется в бытовом семейном и дружеском общении — главным образом старшим поколением, функционирует в сфере культуры (имеется ряд коллективов с марийской программой). Функционирование марийского в качестве языка обучения и предмета изучения в этих районах было приостановлено еще в 1940-х гг. Несмотря на попытки возобновить преподавание в 1990-х гг., марийский язык *не прижился* надолго в школах даже в форме факультатива (о препятствиях этому см. (Куцаева 2025а: 26–27). В Яранском районе функционирует теле- и радиовещание из Йошкар-Олы. Марийский бытует в обрядовой сфере, фрагментарно — в сфере религии: в некоторых местах Яранского и Уржумского районов до недавнего времени отдельными лицами проводились семейные моления. В выборке отмечены случаи, когда с уходом из жизни старших мужчин в роду *роицу закрывают*, семья обращается в православие, посещает храм, и функционирование марийского в религиозной сфере прекращается.

Язык как маркер этнической идентичности в кировской выборке ослабевает во многих когортах в сравнении с результатами в свердловской. Но даже когда респонденты декларируют язык в качестве базового признака их *марийскости*, мы можем констатировать отличия от других этнолокальных групп (курсивом в цитатах выделено нами). «Ну, язык, прежде всего марийский — он *остался* во мне, а обычаев каких-то чтобы... (нет — прим. М. К.)» (№ 3, Ж., 1950, Кикнурский район, КО). «То, что я *хотя бы понимаю* марийский язык. Живу и родился» (№ 4, М., 1988, Кикнурский район, КО). «Самое первое, наверное, — это уметь разговаривать на языке. Я вот *частично умею*» (№ 31, М., 1996, Уржумский район, КО). «Что-то я *все равно понимаю и знаю* в марийском языке» (№ 23, Ж., 1985, Ж., Уржумский район, КО).

Идентификация — базовый когнитивный механизм, который используется как на индивидуальном уровне, так и на коллективном. Этот процесс является основополагающим для организации социального мира: мы знаем, кто есть кто и что есть что (Jenkins 2014: 14). Групповая идентичность является продуктом коллективного *внутреннего определения*. В наших взаимоотношениях со значимыми *другими* мы опираемся на идентификации тождества и различия, и, таким образом, создаем групповые идентичности. В то же время наше сознательное членство в группе идентифицирует других и создает с ними взаимосвязи (Jenkins 2014: 107). Коллективное внутреннее определение есть *групповая идентификация*, коллективное внешнее определение — категоризация. При этом групповая идентификация не существует в вакууме, она идет рука об руку с категоризацией. А значит — коллективные иден-

тичности следует изучать исходя из допущения, что они создаются одновременно групповой идентификацией и категоризацией (Jenkins 2014: 111–112). О роли государства как мощного идентификатора см. (Брубейкер 2012: 133–136), о внедрении категорий см. (Bourdieu 1991: 223).

Респондентам был также задан вопрос о том, может ли мариец быть без мариинского языка (Табл. 2). Таким образом, фокус сместился на групповую идентификацию и роль языка в ее конструировании.

Таблица 2

Роль языка в конструировании групповой идентичности (в % по выборкам)

Регион	Бывает ли мариец без мариинского?			
	Да	Не совсем	Нет	Не знаю
Башкортостан	8	25	52	15
Татарстан	7	28	49	16
Свердловская обл.	17	28	37	18
Кировская обл.	26	32	34	8

Среди тех, кто полагает, что мариец не может считаться мариинцем без знания мариинского, по результатам опроса лидируют Башкортостан и Татарстан. Это убеждение разделяют опрошенные в разных когортах, в том числе младших: «Я не считаю их мариинцами уже. Ну они же разговаривают только на русском» (№ 35, М., 2007, Мишкинский район, РБ). «Вот в костюм можно нарядить и татарина, и он может быть как мариец, похож вроде бы. Но если не знать языка — вписываться в сообщество не сможет все равно» (№ 11, М., 2008, Кукморский район, РТ). «Не сможет, потому что общаться, допустим, в магазине с продавщицей, с соседями. Они вот часто на мариинском спрашивают» (№ 7, Ж., 2012, Агрызский район, РТ). В свердловской выборке в младшей когорте из 22 чел. лишь четверо опрошенных полагают, что мариинцу крайне важно знать мариинский.

В группе тех, кто разделяет мнение о необходимости для мариинца знать мариинский язык, во всех когортах немало пожилых респондентов, включая кировскую выборку. «Это вот которые принудительно представляются на мариинских концертах — они незаконно будут числиться мариинцами» (№ 31, М., 1966, Кикнурский район, КО). «Как мариец без мариинского? Это что — как русский без русского?» (№ 37, М., 1960, Кикнурский район, КО). Респонденты, выросшие в мариинской деревне, в мариинском языке, в то время, когда его позиции были крепкими и устойчивыми, могут быть определены в качестве *традиционных носителей* языка.

Примечательно, что в этой группе есть также некоторое количество так называемых *новых говорящих* — главным образом в средних когортах во всех выборках. Языковые биографии новых говорящих не соответствуют профилю *протитипических носителей*: воспитание на мариинском языке, обучение на мариинском в начальной школе, изучение мариинского, проживание в сообществе. Вследствие миграций в детстве или рождения в этнически смешанном браке, где доминировал русский

язык, они имели небольшой контакт (или вовсе не имели) с марийским в семье или сообществе, однако стремятся стать активными пользователями языка. В языковом сообществе *традиционные носители* и *новые говорящие* занимают полярные позиции. Положение традиционных носителей подкрепляется идеологиями аутентичности и легитимности, помещая их на вершине иерархической структуры. Новые говорящие (новые носители) находятся на крайней периферии. Они склонны нарушать социокультурные профили *воображаемого идеального носителя* и нередко выходят за рамки того, что считается правильным, аутентичным, допустимым использованием языка, имплицитно бросая вызов распространенным в сообществе представлениям относительно того, какими должны быть говорящие на том или ином языке и какими должны быть их речевые практики (Smith-Christmas et al., цит. по Куцаева 2021: 29). Новые говорящие — чрезвычайно важная категория, активно обсуждаемая в социолингвистической литературе в рамках вопросов по ревитализации миноритарных языков. Кроме того, исследования новых говорящих актуальны и для смежных дисциплин, они выявляют сложные проблемы идентичности и языковых идеологий, затрагивающих легитимность, авторитет и аутентичность (Jaffe 2015: 21). Полученные результаты свидетельствуют о том, что в попытках отвоевать право на использование марийского новые говорящие солидаризируются с традиционными носителями: марийцу необходим марийский язык.

В марийских сообществах бытуют этнонимы в отношении марийцев, не владеющих этническим языком. Среди выходцев из Марий Эл нами было зафиксированы следующие: *марий ватын руш ўдыржӧ* (русская дочка марийской женщины), *марий ватын руш эргыже* (русский сын марийской женщины) (Куцаева 2021: 7). В Башкортостане распространен *аракма мари* (недозрелый, бесплодный мариец). «Аракма мари — это вот молодое поколение. Мой зять мишкинский. Он по-русски разговаривает. Все смешалось, наверное. Много я таких встречала, которые страдают. Жили где-то там, далеко от родины. Миграция какая-то была. Раньше же большая миграция была в Казахстан, сидели на своей целине. Вот оттуда они приезжают» (№ 4, Ж., 1962, Шаранский район, РБ). «Аракма мари — не настоящие марийцы. Русско-марийские. Ну аракма мари — это как мои внуки. Марийский одно слово скажет, потом русский, вот и аракма мари. Если научатся, станут настоящими» (№ 53, Ж., 1965, Мишкинский район, РБ). В Татарстане и Свердловской области в отношении не владеющих этническим языком марийцев используется *пелеруш* (наполовину русский), в развернутом варианте — *пелемари-пелеруш* (наполовину мариец — наполовину русский). В Кировской области используется *марирус/марируш*. Приведенные выражения в большинстве случаев являются пейоративами. В московском марийском обследовании автор столкнулся с тем обстоятельством, что выборка в первом поколении обосновавшихся в Москве заметно превышала выборку во втором (100 vs 6). Основной причиной отказа предоставить для интервью контакты своих детей, родившихся в марийской семье в Москве, было незнание ими этнического языка: «Он русский. Он не знает марийского языка». Таким образом, при интеграции в марийское языковое сообщество владение марийским оказывается ключевым.

В группе опрошенных, полагающих, что марийцы могут быть и без марийского языка, замечен перевес кировских и свердловских. Это объясняется в том числе сложившейся языковой ситуацией в этих сообществах и фактическим прекращением или сокращением межпоколенческой передачи этнического языка. Респонденты нередко

апеллируют к городским марийцам, проживающим в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Кирове и других крупных городах. Они остаются марийцами, потому что их родители — марийцы. К таким же *марийцам без марийского* нередко причисляют и собственных внуков, не владеющих марийский языком. «Может. Наши дети, которые в городах живут. Дети-то еще понимают, но говорить — не говорят, а вот внуки — городские. Детей-то не учили мы сами, это уже естественно было тогда» (№ 33, Ж., 1962, Кикнурский район, КО). К таким марийцам старшее поколение относит молодое в своем локальном сообществе. «Я говорю, после девяностых у нас, считай, в основном все такие. Марийцы — вот мать и отец, а сам — бельмес» (№ 13, М., 1954, Уржумский район, КО). «Так сейчас и есть молодежь. Марийцы без марийского языка. Родители — марийцы чистые. Некоторые надевают костюм марийский. Язык-то важно, но не получается у нас... это же моментально обрусилась» (№ 52, Ж., 1946, Ачитский район, СО).

Определенный исследовательский интерес представляет и третья — довольно многочисленная — группа. Здесь результаты схожи примерно во всех выборках. Опрошенные допускают возможность, что марийцы без марийского могут быть марийцами, «но не совсем». «Ну, если они тут живут и понимают, но не умеют разговаривать, можно сказать, что они отсюда марийцы. Но все равно это не полные марийцы» (№ 35, М., 2007, Мишкинский район, РБ). «Ну как бы да, может. Но на мой взгляд, как бы неполноценно» (№ 58, М., 1986, Мишкинский район, РБ). «Не совсем. Без марийского он теряет самоуверенность: потому что он умеет танцевать на марийском, но слов совсем не знает» (№ 31, М., 2010, Кукморский район, РТ). Действительно, как показано на материале других языков, например, бретонского, для самоощущения носителей, их внутреннего чувства этничности знание языка оказывается важным, даже если в сообществе отсутствует убеждение в том, что знание языка необходимо (Hoare, цит. по Баранова 2010: 29–30). Судя по результатам в третьей группе, марийцы во всех этнолокальных сообществах осознают сложность и многомерность текущих языковых ситуаций.

На современном этапе многие этнолокальные сообщества переживают языковой сдвиг, то есть постепенную замену в жизни членов сообщества одного языка на другой, часто — ввиду существенных различий в престиже и уровне государственной поддержки двух и более вовлеченных в контакт языков, а значит и явных различий в использовании этих двух языков носителями (Дориан 2012: 382). Факторы, влияющие на языковой сдвиг, включают урбанизацию, глобализацию, социальное и культурное расслоение (Grenoble 2011: 33–35). Среди основных факторов, обуславливающих языковой сдвиг, выделяют прагматизм и культурную позицию. Люди сохраняют приверженность своему языку, пока экономические и социальные условия этому благоприятствуют, в противном случае они переходят на большой язык. Однако, как представляется, существует также склонность культуры, некая культурно-историческая предрасположенность, благоприятствующая или препятствующая сохранению языка (Дориан 2012: 386), см. также (Смолич 2012: 404). В качестве примера Н. Дориан приводит исследование, посвященное сохранению языка и идентичности в двух группах южноамериканских индейцев. Одной группе удалось сохранить свою идентичность и язык, выполняющий вместе с религией разделяющую и объединяющую функцию. Другая группа утратила в итоге свою особую социальную структуру и стала неотличимой от других венесуэльцев (Дориан 2012: 386–387).

Уроженцы Башкортостана, Татарстана, Свердловской области в сравнении с выходцами из Кикнурского района Кировской области упоминали живую традицию бытова-

ния марийского в обрядовой сфере. Они же подчеркивали связь языка и традиции — культурной и религиозной. «Мне кажется, что все эти обычаи и традиции он не будет соблюдать, если марийский не будет знать» (№ 4, Ж., 1977, Красноуфимский район, СО). «А как ты можешь эти традиции соблюдать, если ты не знаешь языка, если вся суть традиции заключается в языке — вот в этих определенных словах? Если ты носитель языка, ты знаешь марийский язык, тебе будет спокойнее, попроще в традиции» (№ 46, Ж., 2003, Калтасинский район РБ). В Кировской области, где процесс языкового сдвига был запущен еще со второй половины 1970-х, респонденты полагают, что обращение к предкам, широко распространенное в марийской традиции, допускается на русском языке — достаточно лишь прибавить марийское *шужо* (пусть дойдет — прим. М. К.). «Я сына учу: “Всё вот, выходи на утреннюю зорьку там. Говори эти хотя бы главные слова-то, чтобы на марийском”. Обращение на марийском. А остальное-то пусть на русском — просить больше» (№ 10, Ж., 1960, Яранский район, КО). Представители восточных марийцев в выборке, большинство из которых до сих пор придерживаются традиционной веры, считают, что это невозможно. «Мариец без языка — не совсем уж мариец получится. Молебен же на своем языке говорится! Им же потом придется, не зная языка, этот молебен читать, не понимая смысла этих слов. Там же в каждое слово надо душу вкладывать. Это же не просто слова молебна, тут же из уст в уста передается. Это сейчас уже начали писать, а раньше же из уст в уста. Слушаешь, что старшие говорят, и запоминаешь. Как бы их душа передается словами через тебя уже. И ты еще свою душу туда вкладываешь» (№ 2, М., 1970, Кукморский район РТ). «Как же без языка — никак. Он же не может даже высказать свои желания, свои просьбы к Богу, обращения к Богу. У него уже ничего не будет. Это мысленное только общение. И если даже какие-то чувства хочется высказать, а как выскажешь, если этим языком не владеешь» (№ 28, Ж., 1954, Кукморский район, РТ). Здесь же уместно вспомнить слова Дж. А. Фишмана о связи языка и культуры в широком смысле: огромные пласты культуры выражаются и реализуются посредством языка, с которым эта культура традиционно ассоциировалась; эта связь настолько тесная, что для тех, кто изучал их на языке оригинала, в переводе они не имеют того же *вкуса, очарования, магии, ассоциаций и воспоминаний* (Fishman 1991: 24).

Наконец, уроженцы Кикнурского района Кировской области нередко подчеркивали, что они не похожи на *других марийцев*, поскольку отличается прежде всего их идиом. «И я могу сказать, что мы говорим на таком диалекте, который вообще... нигде нету, ну... его официально не изучали, и когда наши люди едут в Йошкар-Олу, где литературный марийский, ну... вот им говорят, что вы уже не марийцы. “Вы еще не русские и уже не марийцы — кто вы такие, вы уже сами не знаете!”. То есть ни на марийском, но и не русском говорите» (Куцаева 2024: 28). Участники текущего опроса вполне осознают свою ассимиляцию. «Уже обрусел — как и все здесь» (№ 12, М., 1961, Кикнурский район, КО). «Мы как бы уже предаем свой язык здесь» (№ 22, Ж., 1972, Кикнурский район КО). «Да мы уже ничем не отличаемся от русских. В целом, по быту это неотличимо других. Наверное, если только так смотреть, то только этим языком. Что говорим пока что» (№ 25, М., 1953, Кикнурский район, КО). Марийцы этого района определяют себя как *русковатые, смешанные, нечистые, ненастоящие* марийцы. В их представлении *настоящие марийцы* сохраняют более аутентичные традиции, язык, религиозные воззрения, в то время как *ненастоящие* почти полностью ассимилировались и утратили веру предков. «С русскими

всё одинаково у нас. Мы наполовину стали как русские, потому что здесь всё на русском» (№ 40, М., 1964, Кикнурский район, КО).

Марийцам Прикамья и Приуралья, несмотря на существенное влияние православия и ислама, удалось сохранить традиционные верования. Они пронизывали все стороны их духовной и материальной культуры, определяли самобытность, способствовали укреплению этнической идентичности (Молотова 2010: 81). Известно, что в некоторых случаях фактором неожиданно устойчивого сохранения языка при прочих неблагоприятных обстоятельствах являлся религиозный (Dorian 1998: 16). В условиях языкового сдвига использование марийского в сакральной функции в тех этнолокальных сообществах, где марийский является языком религии, например, в сообществах восточных марийцев, способно стать одним из факторов ревитализации этнического языка (Куцаева 2026: 59; Куцаева 2025а: 23–24).

Заключение

В результате социолингвистических исследований в марийских сообществах Башкортостана, Татарстана, Свердловской и Кировской областей было установлено, что марийский язык является одним из ключевых маркеров этнической идентичности наряду с «рождением» (родина, корни, родители, предки) и «культурой» (знание традиций, соблюдение обрядов). Роль языка в формировании этнической идентичности обусловлена, среди прочего, принадлежностью этнолокальному сообществу (Башкортостан, Татарстан, Свердловская область / отдельные районы Кировской области), возрастом респондента (пожилые респонденты / средний возраст / молодежь) и уровнем владения этническим языком (традиционные носители / новые говорящие).

Показатели языка как маркера этнической идентичности были рассмотрены также в контексте текущих языковых ситуаций в марийских сообществах, переживающих в той или иной степени языковой сдвиг: относительно благополучная ситуация в Башкортостане и Татарстане, менее благополучная — в Свердловской области, довольно тревожная — в отдельных районах Кировской. Для всех сообществ характерно нарушение механизма межпоколенческой передачи этнического языка, включая относительно благополучные.

В условиях языкового сдвига в миноритарных сообществах появляются разные категории носителей; разработаны типологии таких носителей — так называемых *полуносителей*, *припоминающих*, *носителей-невидимок*, *неоносителей*, *последних носителей* (Grinevald, Bert 2011: 46–52). В выборках представители самой младшей когорты, для которых функционально первым языком является русский, заявили, что «марийский я все же выучу потихоньку, бабушка, может, меня научит» (№ 20, М., 2010, Красноуфимский район, СО). На первый взгляд кажется, что притязания молодого поколения довольно скромные и будто бы от них не требуют многого и старшие — «чтобы хотя бы понимали». Вместе с тем с возрастом приходит осознание того, что «корни тянут». Именно со вступлением во взрослую жизнь (брак, рождение детей и пр.) марийцы, как правило, по-настоящему вовлекаются в самостоятельное соблюдение (а не просто наблюдение за старшими) традиций и обрядов на марийском (Куцаева 2023: 75). В большинстве изучаемых марийских сообществ язык тесно связан с культурой, традициями и верой предков. По мнению В. А. Тишкова, в процессе социальной мобильности, интенсивности человеческих связей со-

отношение предписанных, т. е. заложенных с детства идентичностей, и приобретенных по жизни меняется в сторону последних (Тишков 2025: 22). Действительно, в ходе московского марийского проекта некоторые респонденты впервые по-настоящему *почувствовали себя* марийцами с годами, оказавшись вдали от малой родины и присоединившись к московскому марийскому землячеству. Для кого-то из них конструирование марийской идентичности началось именно с марийского языка.

Язык часто рассматривается как символ этнической и национальной идентичности. Многие из тех, кто выступает за сохранение языков, утверждают, что со смертью языка исчезает уникальный взгляд на мир. Это похоже на слабый вариант концепции Сепира-Уорфа, согласно которой образ мышления, культурная идентичность определяются лексикой и синтаксисом языка. По этой причине дискурс о языках, находящихся под угрозой исчезновения, подвергся критике за то, что он является *эссенциалистским, детерминированным* (Austin, Sallabank 2011: 8). Однако Дж. А. Фишман подчеркивал, что лидеры и последователи движения по реверсии языкового сдвига (к пионерам этого движения принадлежал он сам) в большинстве своем не являются примордиалистами. «Они конструктивисты до мозга костей и считают, что судьба их любимого языка зависит от успеха усилий, приложенных до них, и от действий, которые предпримут они сами. Хотя их уважение к культурному наследию и управление этим наследием могут показаться излишне «романтическими», они рациональны и нацелены на изменение реальности путем собственных усилий, а не полагаясь лишь на свою веру» (Fishman 2001: 8).

Языки исчезают все более стремительными темпами, однако в последние десятилетия мы стали свидетелями еще одной тенденции, набирающей обороты: это инициативы как на низовом уровне, так и на более высоком, касающиеся поощрения многоязычия и использования местных языков. Реализованы программы и мероприятия, ставшие подлинными историями успеха или по крайней мере важными шагами в этом направлении. Задача по ревитализации далека от своего завершения в обозримом будущем. Тем не менее она может быть спланирована, внедрена, оценена и перенесена на следующий уровень благодаря растущему объему индивидуального и коллективного опыта и накопленных знаний (Olko, Sallabank 2021: 1). Эксперты выделяют шесть довольно широких категорий (стимулов) для ревитализации языка: связь с предками, прошлым и культурным наследием; исцеление; укрепление сообщества; знание и культура; благополучие; когнитивные преимущества. Однако самый мощный стимул к ревитализации связан с *идентичностью*: определение и утверждение идентичности для отдельной или коллективной группы представляется одним из наиболее убедительных оснований языковой работы (Grenoble 2021: 9–10). В этом смысле наш проект оказался плодотворным: часть респондентов впервые задумалась о своей идентичности и ее компонентах. Осознание роли марийского в конструировании марийской идентичности, возможно, будет способствовать более бережному отношению к своему этническому языку.

Источники и материалы

ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат): [сайт]. https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf C.94-95 (дата обращения: 22.03.2026).

ВПН 2020 — Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Таблица 5.38. Соотношение языков владения, повседневного использования и родных языков населения Российской Федерации по наиболее многочисленным национальностям. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат): [сайт]. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 22.03.2026).

Научная литература

- Абукаева Л. А. Запреты в системе воззрений мари. Йошкар-Ола: МарГУ, 2018. 204 с.
- Агранат Т. Б. Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии. М.: «Языки народов мира», 2016. 248 с.
- Баранова В. В. Язык и этничность. Урумы и румеи Приазовья. М: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 287 с.
- Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
- Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
- Винер Б. Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 3–26.
- Дориан Н. Утрата и сохранение языка в ситуациях языкового контакта // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 382–401.
- Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 354 с.
- Куцаева М. В. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021. № 2. С. 5–34. <https://doi.org/10.37892/2313-5816-2021-2-5-34>
- Куцаева М. В. Сохранность этнического языка у уральских марийцев // Родной язык. Лингвистический журнал. 2023. № 1. С. 44–89. <https://doi.org/10.37892/2313-5816-2023-1-44-89>
- Куцаева М. В. «Еще не русские и уже не марийцы»: об этнической идентичности, языке и культуре кировских марийцев (по результатам обследования в марийской диаспоре московского региона) // Социолингвистика. 2024. Т. 1. № 17. С. 25–43. <http://dx.doi.org/10.37892/2713-2951-1-17-25-43>
- Куцаева М. В. Марийцы и их язык за пределами Республики Марий Эл (по данным социолингвистических экспедиций 2024 — 2025 годов) // Финно-угроведение. 2025а. № 4 (72). С. 7–36. <http://dx.doi.org/10.51254/2312-0312-2025-4-72-7-36>
- Куцаева М. В. Функционирование марийского языка в Кукморском районе Татарстана // Ежегодник финно-угорских исследований. 2025б. Т. 19. № 3. С. 347–356. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-3-347-356>
- Куцаева М. В. Функционирование марийских идиомов в старых диаспорах Башкортостана (по материалам полевых экспедиций 2024 г.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2025в. Вып. 1. (47). С. 50–63. <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2025-1-50-63>
- Куцаева М. В. Витальность этнического языка и культуры: по следам экспедиций к уральским марийцам // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2026. Вып. 2 (52). С. 49–61. <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2026-2-49-61>
- Молотова Т. Л. Религиозный фактор в сохранении идентичности восточных марийцев // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 81–92.
- Сенеев Г. А. Восточные марийцы: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX вв.). Йошкар-Ола, 1975. 248 с.
- Смолич Е. Языки меньшинств как центральные ценности этнических культур // Социолинг-

- вистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 402–432.
- Тишков В. А. Очерки теории этничности: Ревизия категории и практик. М.: Наука, 2025. 275 с.
- Тишков В. А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву) // Этнография. 2023. № 1 (19). С. 6–25. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1\(19\)-6-25](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25)
- Устьянцев Г. Ю. Представления о «том свете» в текстах и практиках марийской культуры // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 321–333. <http://dx.doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.321-333>
- Austin P. K., Sallabank J. Introduction // The Cambridge Handbook of Endangered Languages / ed. by P. K. Austin, J. Sallabank. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 1–24.
- Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge: Polity Press, 1991. 312 p.
- Dorian N. Western Language Ideologies and Small-Language Prospects // Endangered Languages. Language Loss and Community Response, ed. by Grenoble L. A., Whaley L. J. Cambridge: Cambridge University press, 1998. P. 3–21.
- Edwards E. Multilingualism. London and New York: Routledge, 1994. 256 p.
- Edwards E. Language and Identity. Cambridge: Cambridge University Press. 4th printing, 2013. 314 p.
- Fishman J. A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon: Multilingual Matters 76, 1991.
- Fishman J. A. Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2001. 503 p.
- Grenoble L. A. Why Revitalize? // Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide / ed. by J. Olko, J. Sallabank. Cambridge University Press, 2021. P. 9–22.
- Grenoble L. A. Language Ecology and Endangerment // The Cambridge Handbook of Endangered Languages / ed. by P. K. Austin, J. Sallabank. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 27–44.
- Grinevald C., Bert M. Speakers and communities // The Cambridge Handbook of Endangered Languages / ed. by P. K. Austin, J. Sallabank (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 45–65.
- Jaffe A. Defining the New Speaker: Theoretical Perspectives and Learner Trajectories // International Journal of the Sociology of Language. 2015. Vol. 231. P. 21–44. <https://doi.org/10.1515/ijsl-2014-0030>
- Jenkins R. Social Identity. Fourth Edition. London and New York: Routledge, 2014. 251 p.
- Olko J., Sallabank J. Welcome! // Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide / ed. by J. Olko, J. Sallabank. Cambridge University Press, 2021. P. 1–6.

References

- Abukaeva, L. A. 2018. *Zaprety v sisteme vozzrenii mari* [Taboos in Mari's Worldview System]. Yoshkar-Ola: MarGU. 204 p.
- Agranat, T. B. 2016. *Sravnitel'nyi analiz grammaticheskikh sistem pribaltiisko-finskikh yazykov: printsipy intrageneticheskoi tipologii* [Comparative Analysis of Grammatical Systems of the Baltic-Finic Languages: Principles of Intragenetic Typology]. Moscow: Yazyki narodov mira. 248 p.
- Austin, P. K., and J. Sallabank, 2011. Introduction. In *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*, ed. by P. K. Austin, J. Sallabank. Cambridge: Cambridge University Press, 2011: 1–24.
- Baranova, V. V. 2010. *Yazyk i etnichnost'. Urumy i rumei Priazov'ia* [Language and Ethnicity. Priazovye Urums and Rumeas]. Moscow: Izdatelskii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 287 p.
- Barth, F. (ed.). 2006. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 200 p.

- Bourdieu, P. 1991. *Language and Symbolic Power*, ed. by J. B. Thompson, G. Raymond and M. Adamson. Cambridge, MA: Polity Press. 312 p.
- Brubaker, R. 2012. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without Groups]. Moscow.: Izdatelskii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 408 p.
- Dorian, N. 1998. Western Language Ideologies and Small-Language Prospects. In *Endangered Languages. Language Loss and Community Response*, ed. by L. A. Grenoble, L. J. Whaley. Cambridge: Cambridge University press. 3–21.
- Dorian, N. 2012. Utrata i sokhranenie yazyka v situatsiiakh yazykovogo kontakta [Language Loss and Maintenance in Language Contact Situations]. In *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka. Khrestomatiia* [Sociolinguistics and the Sociology of Language: An Anthology], ed. by N. B. Vakhtin. Saint Petersburg.: Izdate'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 382–401.
- Edwards, E. 1994. *Multilingualism*. London and New York: Routledge. 256 p.
- Edwards, E. 2013. *Language and Identity*. Cambridge: Cambridge University Press. 4th printing. 314 p.
- Fishman, J. A. 1991. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Clevedon: Multilingual Matters 76. 431 p.
- Fishman, J. A. 2001. *Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective*. Clevedon, UK: Multilingual Matters. 503 p.
- Grenoble, L. A. 2011. Language Ecology and Endangerment. In *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*, ed. by P. K. Austin, J. Sallabank. Cambridge: Cambridge University Press. 27–44.
- Grenoble, L. A. 2021. Why Revitalize? In *Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide*, ed. by J. Olko, J. Sallabank. Cambridge: Cambridge University Press. 9–22.
- Grinevald, C., and M. Bert. 2011. Speakers and Communities. In *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*, ed. by P. K. Austin, J. Sallabank. Cambridge: Cambridge University Press. 45–65.
- Jaffe, A. 2015. Defining the New Speaker: Theoretical Perspectives and Learner Trajectories. *International Journal of the Sociology of Language* 231: 21–44. <https://doi.org/10.1515/ijsl-2014-0030>
- Jenkins, R. 2014. *Social Identity*. London and New York: Routledge. 251 p.
- Kozlova, K. I. 1978. *Ocherki etnicheskoi istorii mariiskogo naroda* [Essays on Ethnic History of Mari People]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 354 p.
- Kutsaeva, M. V. 2021. Novye nositeli mariiskogo kak faktor vital'nosti etnicheskogo iazyka v diasfore [New Speakers of Mari as a Factor in Diaspora Language Vitality]. *Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal* 2: 5–34. <https://doi.org/10.37892/2313-5816-2021-2-5-34>
- Kutsaeva, M. V. 2023. Sokhrannost' etnicheskogo yazyka u ural'skikh mariitsev [Ethnic Language Maintenance: The Case of the Ural Maris]. *Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal* 1: 44–89. <https://doi.org/10.37892/2313-5816-2023-1-44-89>
- Kutsaeva, M. V. 2024. “Eshche ne russkie i uzhe ne mariitsy”: ob etnicheskoi identichnosti, yazyke i kul'ture kirovskikh mariitsev (po rezul'tatam obsledovaniia v mariiskoi diasfore moskovskogo regiona) [“Not yet Russians and no Longer Maris”: Ethnic Identity, Language and Culture of the Kirov Maris (Based on the Results of a Survey in the Moscow Region Mari Diaspora)]. *Sotsiolingvistika* 1(17): 25–43. <http://dx.doi.org/10.37892/2713-2951-1-17-25-43>
- Kutsaeva, M. V. 2025a. Mariitsy i ikh yazyk za predelami Respubliki Marii El (po dannym sotsiolingvisticheskikh ekspeditsii 2024–2025 godov) [Maris and Their Language Beyond the Republic of Mari El (Data from 2024–2025 Sociolinguistic Expeditions)]. *Finno-ugrovedenie* 4(72): 7–36. <http://dx.doi.org/10.51254/2312-0312-2025-4-72-7-36>
- Kutsaeva, M. V. 2025b. Funktsionirovanie mariiskogo yazyka v Kukmorskom raione Tatarstana [Functioning of Mari Language in the Kukmor District of Tatarstan]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovani* 19(3): 347–356. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-3-347-356>

- Kutsaeva, M. V. 2025v. Funktsionirovanie mariiskikh idiomov v starykh diasporakh Bashkortostana (po materialam polevykh ekspeditsii 2024 g.) [Functioning of Mari Idioms in the Old Diaspora of Bashkortostan (Based on the 2024 Field Linguistic Data)]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* 1(47): 50–63. <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2025-1-50-63>
- Kutsaeva, M. V. 2026. Vital'nost' etnicheskogo yazyka i kul'tury: po sledam ekspeditsii k ural'skim mariitsam [Ethnic Language and Cultural Vitality: A Sociolinguistic Survey in the Ural Mari Communities]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* 2(52): 49–61. <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2026-2-49-61>
- Molotova, T. L. 2010. Religiozniy faktor v sokhraneniі identichnosti vostochnykh mariitsev [Religious Factor in the Maintenance of Identity of the East Mari]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 81–92.
- Olko, J., and J. Sallabank. 2021. Welcome! In *Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide*, ed. by J. Olko, and J. Sallabank. Cambridge: Cambridge University Press. 1–6.
- Sepeev, G. A. 1975. *Vostochnye mariitsy: istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury (seredina XIX — nachalo XX vv.)* [Eastern Maris: Historical-Ethnographic Study of Material Culture (middle 19th — beginning 20th)]. Yoshkar-Ola. 248 p.
- Smolicz, J. 2012. Yazyki men'shinstv kak tsentral'nye tsennosti etnicheskikh kul'tur [Minority Languages as Core Values of Ethnic Culture]. In *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka. Khrestomatiia* [Sociolinguistics and the Sociology of Language: An Anthology], ed. by N. B. Vakhtin. Saint Petersburg: Izdate'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 402–432.
- Tishkov, V. A. 2023. O primireniі konstruktivizma i primordializma (ommazh narodovedu Andreiu Vladimirovichu Golovnevu) [On Reconciliation of Constructivism and Primordialism]. In *Etnografiia* 1(19): 6–25. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1\(19\)-6-25](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25)
- Tishkov, V. A. 2025. *Ocherki teorii etnichnosti: Reviziia kategorii i praktik* [Essays on the Theory of Ethnicity: Revision of Categories and Practices]. Moscow: Nauka. 275 p.
- Ustyantsev, H. Yu. 2023. Predstavleniia o "tom svete" v tekstakh i praktikakh mariiskoi kul'tury [Concepts of the 'Otherworld' in the Texts and Practices of Mari Culture]. In *Finno-ugorskii mir* 15(3): 321–333. <http://dx.doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.321-333>
- Wiener, B. E. 1998. Etnichnost': v poiskakh paradigmy izucheniia [Ethnicity: in the Search of Paradigm]. In *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 3–26.